

— Это способ приготовления, придуманный корабельщиками во время дальних плаваний, — произнес он. — Хотя блюдо и простовато, зато естся с большим удовольствием. Если добавить в него немного перца, сычуаньского горошка и других специй, ручаюсь, вы пропотеете до самого нижнего белья даже лютой зимой.

Не дожидаясь вопросов со стороны Цзи Цзиньжуна, Чжэньнань-ван продолжил рассказ:

— Перец — это тоже продукт, который моряки привезли из-за океана. Я уже приказал начать пробный посев. В следующий раз, когда созреет урожай, я отправлю его на императорскую кухню, чтобы и ваше величество смогли как следует распробовать этот дар.

Цзи Цзиньжун слушал, и ему не терпелось поскорее всё это отведать.

Лишь когда первый голод отступил, до него дошло. Как он снова переключился на еду! Если бы в Силяне узнали, что Чжэньнань-ван пошел на них войной только ради гастрономических изысков, они бы точно умерли от ярости!

Цзи Цзиньжун с нескрываемым злорадством усмехнулся про себя. Приходилось признать, что перспективы, обрисованные Чжэньнань-ваном, были весьма заманчивы. Если отбросить в сторону разбойничью логику этого человека, то Цзи Цзиньжун чувствовал, что этот мятежник нравится ему всё больше.

И это точно не из-за еды!

Он — великий император Великой Чжоу, разве его можно подкупить какой-то там стряпней?

Ох, но как же хочется поскорее попробовать говяжий хого, о котором говорил Чжэньнань-ван, приправленный тем самым невиданным перцем, да еще добавить туда древесных грибов, баранины, фунчозы, ломтиков рыбы...

Цзи Цзиньжун почувствовал, что снова проголодался.

Чжэньнань-ван с большой заботой предложил поужинать. Цзи Цзиньжун наелся досыта.

Чжэньнань-ван налил ему вина и сказал:

— Осенние ночи холодны, выпейте немного, ваше величество, чтобы согреться.

Цзи Цзиньжун вздрогнул и наконец-то выбрался из гастрономической ловушки. Он с опаской посмотрел на бокал, боясь, что после выпитого может что-то случиться.

Чжэньнань-ван не стал настаивать, налил себе и принялся неспешно пить.

Вино было невероятно ароматным. Цзи Цзиньжун втягивал носом воздух, чувствуя, как просыпается аппетит. Увидев, что с Чжэньнань-ваном ничего не случилось, он не удержался и выпил полбокала. К его удивлению, вино оказалось коварным: вкус был превосходным, но хмель ударил в голову почти мгновенно. Не прошло и минуты, как он почувствовал, что пьянеет.

Словно в насмешку судьбы, снаружи разразился ливень — вода лила стеной.

Чжэньнань-ван поставил бокал и сказал уже ословевшему Цзи Цзиньжуну:

— Ваше величество, на улице темень и ливень, боюсь, сегодня я уже не смогу покинуть дворец.
— Он шагнул вперед и заключил Цзи Цзиньжуна в объятия. — Вы слишком пьяны, прошу прощения за мою дерзость.

Цзи Цзиньжун сохранял остатки рассудка и попытался оттолкнуть его, но его слабые усилия ничуть не поколебали стальные объятия Чжэньнань-вана.

Когда они добрались до покоев, Чжэньнань-ван приказал принести горячей воды и, выпроводив всех слуг, снял с Цзи Цзиньжуна одежду. Он не делал ничего предосудительного — просто искупал его, а затем, нагого, уложил в драконью постель и велел вынести воду.

Когда евнухи удалились, Чжэньнань-ван, не стесняясь, разделся, лег в постель и притянул Цзи Цзиньжуна к себе. Он нежно поцеловал его в переносицу, обхватив ладонью за поясницу, наслаждаясь теплым и живым прикосновением.

Человек в его объятиях был жив.

Его император был жив.

Больше никто не будет торопить его с похоронами, никто не будет заставлять облачаться в погребальные одежды, никто не станет твердить, что император мертв и никогда не вернется.

А разве он не вернулся?

Живой, умеющий радоваться и сердиться — его император.

Ладонь Чжэньнань-вана слегка дрожала.

Его голос, низкий и глухой, тоже дрожал, словно вырывался из самого сердца:

— Ваше величество.

Вино окончательно взяло свое, и Цзи Цзиньжун провалился в глубокий сон. Его щеки покраснелись, горели, а тело, напротив, слегка остыло. Осенней ночью было прохладно, и Цзи Цзиньжун, почувствовав рядом источник тепла, напоминающий печь, невольно придвинулся ближе, потерся щекой о грудь мужчины и устроился поудобнее.

Чжэньнань-ван сжал объятия еще крепче и легко коснулся губ Цзи Цзиньжуна коротким поцелуем. Их дыхание смешалось, и желание, бушевавшее в душе Чжэньнань-вана, было готово вырваться наружу. Он прошептал:

— Ваше величество, ваше величество...

Цзи Цзиньжун спал крепким сном.

Чжэньнань-ван больше не произнес ни слова, любясь спокойным профилем императора. Лишь когда дождь стих и из-за туч показался серп луны, он медленно закрыл глаза.

Проснувшись, Цзи Цзиньжун обнаружил, что он абсолютно голый!

Совсем голый!

В чем мать родила!

Даже нижнее белье было снято!

Стоило задуматься: ночью стало прохладно, одеяло не слишком толстое, вот он и прижался во сне к источнику тепла.

Поэтому, когда он открыл глаза, он обнаружил, что плотно прижат к Чжэньнань-вану, и со стороны это выглядело так, будто именно он сам полез к нему в объятия!

Цзи Цзиньжун только собрался тихонько выбраться из постели, как Чжэньнань-ван обхватил его за талию и притянул обратно.

Цзи Цзиньжун покраснел до корней волос:

— Дерзость!

Чжэньнань-ван с досадой произнес:

— Ваше величество, неужели у вас для меня всегда только это слово?

Уши Цзи Цзиньжуна от гнева стали пунцовыми.

Чжэньнань-ван рассмеялся, и его грудь слегка завибрировала. Он разжал руку на талии императора, не позволяя себе лишнего.

Он поднялся с кровати и принес одежду. Видя, что Чжэньнань-ван собирается одеть его лично, Цзи Цзиньжун бросил:

— Позови кого-нибудь другого.

Чжэньнань-ван пропустил слова мимо ушей и начал помогать ему облачаться. Его движения были легкими, но в них чувствовалась властная непреклонность. Убрав длинные волосы Цзи Цзиньжуна за спину, он снова заговорил:

— Какая разница для вашего величества, сделаю это я или кто-то другой?

Цзи Цзиньжун промолчал.

По крайней мере, евнухи не осмелились бы смотреть на него с такой дерзостью!

— Ваше величество, — сказал Чжэньнань-ван, — я никогда не заставлю вас делать то, чего вы не желаете. — Он потянулся, чтобы завязать воротник его одежды, движения его были столь отточены, словно он делал это тысячи раз. — Но раз уж эти мелочи кто-то должен делать, я надеюсь, вы позволите мне служить вам. Если вам это неприятно, вы можете бранить меня или наказывать — я приму это с радостью.

Все эти годы самым мучительным для него было то, что, что бы он ни делал, какие бы суровые слова ни говорил, его император никак на это не откликался.

Цзи Цзиньжун встретился взглядом с глубокими, темными глазами Чжэньнань-вана, и его сердце словно кто-то сильно ударил — стало глухо и больно. Хотя в этом взгляде по-прежнему читалась та же наглость, что и всегда, он почему-то не мог злиться.

Потому что в этих глазах таилось вовсе не то желание, о котором он думал.

Там было что-то незнакомое, во что Цзи Цзиньжун не мог поверить.

В прошлом, живя в глубине дворца, он видел мало искренности и много борьбы. Стоило содрать красивую обертку, как под ней обнаруживались гноящиеся раны.

Все было уродливым и грязным.

Да и он сам был не чище. Разве мог по-настоящему чистый человек выжить в таком месте? Его отец-император был выжившим из ума стариком, который не замечал дворцовых интриг, потакал жестокой женщине и позволял ей травить других принцев, пока она защищала своего сына.

Даже он, болезненный ребенок, не избежал этой участи.

Но ему повезло: он оказался крепче, переждал и ее, и ее сына. В некоторых делах он не участвовал напрямую, но подталкивал события, это было правдой.

Он помнил, как старый монах из храма Хуго, читая над ним молитвы, качал головой и приговаривал: Красивое лицо, да гнилое сердце. Конечно, эти слова слышал только он, больше никто.

Даже Вэй Тинцзюнь, которому он позже решил доверить страну, поначалу был для него лишь послушным щенком, которого он выпестовал. В конце концов, он часто не мог встать с постели, и ему нужны были руки, чтобы выполнять поручения.

Видя взгляд, которым Чжэньнань-ван смотрел на него, Цзи Цзиньжун невольно вспомнил, как Вэй Тинцзюнь говорил о своей возлюбленной — с радостью, восторгом, смешанными с тревогой и надеждой.

Таких чувств он никогда не испытывал. И тот, кто всегда стремился лишь использовать других, вероятно, никогда не сможет обрести подобную любовь.

Раньше жизнь Цзи Цзиньжуна утекала по капле, он никогда не задумывался об этом. Теперь же, обладая здоровым телом, он почувствовал внутри какую-то горькую кислоту.

Немного зависти, даже ревности.

Сидя на этом месте, возможно, никогда не стоит надеяться на искренность.

В конце концов, он сам никогда не отдавал своего сердца, так почему другие должны дарить его ему?

Цзи Цзиньжун послушно раскинул руки, позволяя Чжэньнань-вану помочь ему одеться. Чжэньнань-ван собирался в поход и хотел, чтобы он начал править самостоятельно, поэтому он

не мог упустить шанс привлечь на свою сторону верных людей. А для этого мирное сосуществование с Чжэньнань-ваном было самым верным шагом.

Закончив умываться, Цзи Цзиньжун надел костюм для верховой езды и стрельбы из лука. Видя, что Чжэньнань-ван не собирается уходить, ему пришлось отправиться на плац вместе с ним.

Евнуха, отвечавшего за лошадей, сменили, но Хэ Тай все же увязался следом и лично вывел для него рыжего коня.

Лошадь Чжэньнань-вана тоже вывели. Он сказал Цзи Цзиньжуну:

— Раз уж вы решили усердно тренироваться, я буду учить вас до самого моего отъезда в поход.

Предложение Чжэньнань-вана не было чем-то из ряда вон выходящим — все знали, что он лучший стрелок в мире, и многие мечтали получить его наставления. Цзи Цзиньжун, желая наладить отношения, кивнул:

— Хорошо.

Чжэньнань-ван действительно начал серьезно обучать его.

Цзи Цзиньжун схватывал на лету и обладал отличной памятью. Он быстро запомнил все советы и исправил ошибки, которые раньше совершал наугад.

Когда он, взмокший от пота, наконец попал стрелой точно в центр мишени, Цзи Цзиньжун был счастлив.

Чжэньнань-ван тоже был доволен.

Учить Цзи Цзиньжуна стрельбе и езде означало, что можно открыто касаться его талии, брать за руки, и Цзи Цзиньжун не будет отталкивать или противиться.

После тренировки они вместе позавтракали. Чжэньнань-ван распорядился приготовить паровые булочки с крабовой икрой — маленькие, всего три штуки в корзинке. Он пододвинул их к Цзи Цзиньжуну.

Белое тесто было тонким, как крылья цикады, почти прозрачным, сквозь него просвечивала золотистая начинка. Цзи Цзиньжун тут же забыл о своей грусти, взял булочку и откусил — начинка оказалась сочной, с особым привкусом краба, ароматной и невероятно вкусной.

Съев одну, он заметил, что Чжэньнань-ван наблюдает за ним, и невольно, скрепя сердце,

предложил:

— Поделиться?

— Не нужно, — ответил Чжэньнань-ван. В этот момент подросли евнухи и поставили перед ним две корзинки свежих булочек, кашу и закуски — порция Чжэньнань-вана была вдвое больше!

Цзи Цзиньжун: «...»

— Ваше величество, ваше тело слишком слабо, вам нельзя переедать, — сказал Чжэньнань-ван и снова предложил: — Если пожелаете...

Видя, что Чжэньнань-ван снова собирается «прочистить его меридианы», Цзи Цзиньжун решительно прервал его:

— Этого достаточно!

Чжэньнань-ван не смог сдержать улыбку.

Цзи Цзиньжун твердо решил, что за время отсутствия Чжэньнань-вана он укрепит свое здоровье, чтобы тот больше не смел говорить, что тело императора слишком слабо — оно ведь сейчас в тысячу раз лучше, чем раньше!

Наевшись, пора было приниматься за дела. Цзи Цзиньжун обдумывал, как заговорить об утренних докладах. Со времен правления покойного императора утренние аудиенции были фактически прекращены, а при нынешнем владельце тела о них и вовсе забыли.

Если он даже не видит своих сановников, какой смысл в «самостоятельном правлении»?

Цзи Цзиньжун уже открыл рот, но Чжэньнань-ван опередил его:

— Ваше величество, скоро начнется осенняя охота. — Он прикинул сроки и добавил: — Примерно через десять дней. После нее я отправлюсь на западную границу. Надеюсь, что в эти десять дней вы, помимо тренировок, уделите время репетиции жертвенной молитвы.

Цзи Цзиньжун нахмурился. Сможет ли это тело прочесть молитву, не заикаясь?

— Делайте всё, что в ваших силах, — успокоил его Чжэньнань-ван.

— Я попробую, — ответил Цзи Цзиньжун.

Раз уж он занял это тело, он должен нести ответственность. Независимо от того, падет ли страна в будущем, сейчас он — государь, и молить небо о благополучии народа — его долг. Весной — просить о хорошем урожае, осенью — отчитываться о результатах.

— Если вы не боитесь усталости, — сказал Чжэньнань-ван, — то после охоты можно возобновить утренние доклады — малые каждые три дня, большие — раз в семь дней. — Он протянул руку и поправил прядь волос, упавшую на лицо императора. — Все дела в Поднебесной должны решаться вашей волей.

Цзи Цзиньжун не ожидал, что Чжэньнань-ван предложит это сам.

Похоже, Чжэньнань-ван вовсе не тот «мятежник». Во-первых, мятежники не возвращают власть так легко. Во-вторых, Чжэньнань-ван совсем не похож на Вэй Тинцзюня. Если бы Вэй Тинцзюнь был таким, он не называл бы его «камнем» — тот был невыносимо молчаливым, куда ему до красноречивого и своевольного Чжэньнань-вана!

Похоже, ему нужно как можно скорее взять всё под контроль, чтобы вычислить настоящего «мятежника»!

Цзи Цзиньжун кивнул:

— Хорошо.

Осень, ясное небо, легкий ветерок.

В день осенней охоты сановники наконец увидели нового императора, который так редко показывался на людях.

Цзи Цзиньжун в парадном одеянии с черным узором на красном фоне верхом на рыжем коне предстал перед глазами придворных.

Вместо прежней робости и страха на его изящном лице теперь играла мужская уверенность. Он окинул всех легким, спокойным взглядом, в котором не было ни тени страха.

Еще больше сановников поразило то, что Чжэньнань-ван, которого они клеймили как «мятежника», почтительно следовал за императором!

По приказу Чжэньнань-вана кортеж двинулся к охотничьим угодьям.

В охотничьем парке на южной окраине уже был воздвигнут высокий алтарь. Чжэньнань-ван, будучи «регентом» в самом прямом смысле, лично сопровождал Цзи Цзиньжуна наверх.

Ветер развеивал рукава императорского одеяния, принося приятную прохладу. После тренировок его тело стало намного крепче, и Цзи Цзиньжун, взглянув на Чжэньнань-вана, почувствовал, что стал почти одного роста с ним!

Чжэньнань-ван поймал его взгляд, в глазах его мелькнула улыбка. Он посмотрел на сановников, распростертых у подножия алтаря, и сказал:

— Ваше величество, вы готовы?

Цзи Цзиньжун кивнул.

Здесь обряды не сильно отличались от тех, что были в Чжоу, и молитва была ему знакома.

Раньше, когда тело Цзи Цзиньжуна было слишком слабым, он приказывал Вэй Тинцзюню подниматься на алтарь вместо него. Вэй Тинцзюнь поначалу не хотел, но, видя, что император не справляется, поддался на уговоры.

После того как Вэй Тинцзюнь два года подряд появлялся на алтаре, сановники поняли его намерения. Все думали, что после смерти императора они провозгласят Вэй Тинцзюня новым правителем.

Возможно, сначала Вэй Тинцзюнь и противился, но бремя ответственности не оставляло времени на терзания.

Цзи Цзиньжун опустил глаза, скрывая мысли. Именно потому, что он знал о преданности Вэй Тинцзюня, он и передал ему бразды правления. В конце концов, он использовал его искреннюю любовь к себе. Вэй Тинцзюнь, вероятно, накопил столько гнева именно потому, что он, Цзи Цзиньжун, намеренно возложил на него это бремя.

Быть вынужденным занять этот трон — не самая приятная вещь.

Цзи Цзиньжун поднял глаза — сановники лежали ниц, выкрикивая пожелания долголетия. Сердце его дрогнуло, яркий солнечный свет резал глаза.

Он взглянул вперед: жертвенная утварь, подношения, быки, овцы, птица, зерно — всё было на месте.

Цзи Цзиньжун взглянул на Хэ Тая.

Хэ Тай провозгласил начало церемонии.

Цзи Цзиньжун начал петь молитву:

— Богатый урожай проса, полны амбары, не счесть зерна!

Голос его, чистый и звонкий, разносился над алтарем, достигая ушей каждого. Хотя пел только он один, звуки барабанов не могли заглушить его, а лишь подчеркивали, заставляя сановников трепетать.

Цзи Цзиньжун сделал едва заметную паузу и продолжил:

— Вино и яства для предков, чтобы укрепить обряды и получить великое благословение!

Эта молитва называлась «Богатый год», смысл ее был прост: «Предки, в этом году у нас отличный урожай, амбары полны, мы приготовили лучшее вино и еду, чтобы отблагодарить вас за милость!»

Это была самая короткая из всех молитв, но под аккомпанемент барабанов она растянулась почти на полчаса.

Спина Цзи Цзиньжуна была насквозь мокрой от пота.

Когда они отошли туда, где их никто не видел, Чжэньнань-ван вытер пот с его лба. Цзи Цзиньжун поднял голову и посмотрел на него.

— Ваше величество, вы справились прекрасно, — похвалил Чжэньнань-ван.

Может, потому что он сменил тело, эта похвала доставила ему удовольствие. Чжэньнань-ван был намного старше его, словно сильный старший брат.

Ни у него самого, ни у прежнего владельца тела в жизни не было ни отцов, ни братьев — они принадлежали к императорской крови, где не было места родственным чувствам.

Так вот что значит иметь старшего брата? — подумал Цзи Цзиньжун и мысленно приклеил Чжэньнань-вану ярлык «хороший старший брат» — или, по рангу, скорее «хороший дядя»? От этой мысли Чжэньнань-ван стал казаться ему гораздо ближе.

Сановники разошлись, и Цзи Цзиньжун спустился с алтаря, чтобы перекусить. Чжэньнань-ван приказал подать оленину:

— Это добыли мои люди во время пробной охоты. Попробуйте, ваше величество, если понравится — я прикажу поймать еще несколько для императорской кухни.

Цзи Цзиньжун уже привык к такой заботе. Он посмотрел на тушеную оленину и почувствовал, как разыгрался аппетит.

Дикая оленина была нежирной, нежной, к тому же считалась продуктом, укрепляющим мужскую силу.

Тушеное мясо было сочным, ароматным, без малейшего привкуса дичи.

Цзи Цзиньжун ел красиво, но быстро, и вскоре его маленькая тарелка опустела. Распробовав, он не стал просить добавки — нужно было оставить место для другого.

Перекусив, они отдохнули полчаса и созвали сановников для начала охоты.

В этот момент прибыли послы тюрок.

Цзи Цзиньжун окинул их взглядом: рослые, с высокими переносицами и широкими глазами — настоящие воины. Раньше вокруг Чжоу жили в основном другие народы, иноземцы были редкостью, и Цзи Цзиньжуну это показалось любопытным.

Хотя любопытство любопытством, но особой симпатии к этим людям он не питал.

<http://bllate.org/book/22178/2310779>